

Халявин Н. В.

**Явление волхва в Новгороде в 1071 г.
в оценках отечественных историков**

Под 1071 г. в летописях собраны известия о появлении волхвов в разных концах Русской земли: один пришел в Киев, обещая, что Днепр потечет вспять, а Греческая и Русская земли переменятся местами, два волхва появились в Ростовской области, заявляя, что «свемы кто держить обилье в себе», потом «приключися некоему новгородцю приити в Чудь» к кудеснику «хотя волхования», наконец, волхв объявился в самом Новгороде. Новгородская первая летопись говорит об этом так: «Сице бе волхвъ всталъ при Глебе в Новегороде; глаголашесть бо людемъ, творяся акы богъ, и много прельсти, мало не всего града: глаголашесть бо, яко проведе вся, и хуляшесть веру крестияньску, и тако глаголаше, яко “преиду по Волхову пред всеми людьми”. И бысть мятежь въ граде великъ (“и молва не мала”, — добавлено в Новгородской IV летописи¹) и вси яша ему веру, и хотяху побити епископа Федора. И епископъ же Федоръ, взявши честный крестъ и оболчеса в ризы, и ста пред народомъ, и глагола им: “аще хотите веру няти волхву, тои за него да идет; аще ли верует къ кресту, да идетъ к нему”. И разделишася на двое: а князь Глебъ и дружина его (“и боляре его”, — по Софийской летописи²) стаха у епископа, а людие вси идоша за волхва; и бысть мятежь между ими. Глебъ же, въземъ топоръ под скуд, и прииде къ волхву, и рече ему: “то веси ли, что утро хоцеть быти, что ли вечеръ”. Он же рече: “провиде вся”. И рече Глебъ: “то веси ле, что ти днесь хоцеть быти”. Он же рече: “чюдеса велика створю”. Глебъ же, выимя топоръ, ростя и, и паде мертвъ; и людье разидошася. Он же погыбе душею и теломъ, предавъся диаволу»³.

Сообщение небольшое, разночтений в нём не много, поэтому с историографической точки зрения этот эпизод интересен как раз тем, что позволяет проследить имеющиеся в исторической науке оценки появления волхва в Новгороде в 1071 г. и выявить различия в трактовках этого события учёными-историками.

Историки XVIII в., говоря о новгородских проишествиях 1071 г. чаще всего просто пересказывали летописный рассказ, хотя, например, В. Н. Татищев излагал его в несколько ином варианте, говоря, что к волхву «множество людей приставе собралися, а Глеб Святославич с Епископом Феодором, собрав своих людей домовных, вышли против оных»⁴, тем самым корректируя круг сторонников епископа и князя. М. М. Щербатов определял в духе своей эпохи, что «грубость и непросвящение народов подали тогда (в XI в. — Н.Х.) причину к но-

¹ ПСРЛ. Т. 4 / Новгородская четвёртая летопись. Ч. 1. М., 2000. С. 131.

² ПСРЛ. Т. 6 / Софийские летописи. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 196.

³ НЛ старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л. 1950. С. 196.

⁴ Татищев В. Н. История Российская. М., 1773. Кн. 2. С. 125.

вым беспокойствам», поэтому именно «Князь Глеб сын Святославов имея довольное просвящение, дабы лживым словам сего обманщика не верить; не токмо в защищение пришел Епископу, но еще и взяв под платье свое топор, пошел изобличать волхва»⁵.

В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина тональность оценок меняется — вместо «грубости и непросвещения народов» автор отмечал, «успехи христианского благочестия в России», которые «не могли искоренить языческих суеверий и мнимого чародейства», а самому выступлению волхва придавал оттенок иноэтничной инициативы. Рассказ о том, что случилось в Новгороде, Н. М. Карамзин предварял наблюдением, что «не только в Скандинавии, но и в России Финны и Чудь славились волшебством, подобно как в древней Италии Тосканцы. ...Новгородцы ходили в Эстонию узнавать будущее от тамошних мудрецов, которые водились с черными крылатыми духами. Один из таких кудесников торжественно осуждал в Новгороде Веру Христианскую, бранил Епископа и хотел итти пешком через Волхов». Тем самым, явление волхва в Новгороде рисуется как соприкосновение русского христианства и финно-угорского язычества. Н. М. Карамзин не высказывал никаких сомнений в том, что новгородцы были «верными христианами», но горожане, по его словам, оказались ослеплены обманщиком, введены волхвом в заблуждение⁶.

Оппонент Н. М. Карамзина, Н. А. Полевой, хоть и изумлялся, как «удивительно быстро распространена была вера Христианская в Руси; скоро учредилося повсюду и Духовное чинопачество», но отмечал, что волхв в Новгороде «прельстил многих», «успел возмутить народ», «новгородцы поверили чудесам волхва». Автор оправдывал это тем, что христианство «вначале могло быть только внешнее: умы и сердца долго не покорялись, повинуюсь уставам новой веры как власти гражданской»⁷ и сетовал на скудость источников.

То, что христианство было ещё очень непрочно в Новгороде второй половины XI в. отмечали и церковные историки. Архиепископ Черниговский и Нежинский Филарет (Гумилевский) писал про волхвов: «наконец, власть их над народом была ослаблена подвигами пастырей Церкви: в 1223 г. четыре волхва показались было открыто в Новгороде; но народ сам схватил и сжег их, тогда как в прежнее время (здесь автор ссылался на летописный рассказ о событиях 1071 г. — Н.Х.) те же Новгородцы вооруженною рукою защищали подобных людей»⁸. Митрополит Макарий (Булгаков), в бытность свою епископом Винницким, как автор «Истории Русской церкви» прямо указывал, что «Влияние волхвов на народ по временам было очень велико... Это объясняется тем, что волхвы выдавали себя посланниками богов или даже богами, усвоили себе ближайшее общение с ними и способностью вызывать и вопрошать богов, творить чудеса, предугадывать будущее, врачевать болезни, — все такие качества, которые во всякое время могут увлекать воображение толпы. А с другой стороны, и народ наш... привыкший обращаться к ним и вполне доверять им во дни своего язычества, не

⁵ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. 1. С. 18-19.

⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. 2. С. 93-95.

⁷ Полевой Н. А. История Русского народа. М., 1829. Т. 2. С. 107.

⁸ Филарет (Гумилевский), архиеп. История Русской Церкви. Период первый. От начала христианства в России до нашествия монголов (988-1237 гг.). Харьков, 1849. С. 39.

успел еще тогда возвыситься над этими застарелыми понятиями и утвердиться в истинах Евангелия». «Слова и действия волхвов», — по мнению Макария, — «показывают в них совершенных язычников и врагов христианства». Но новгородский волхв, который «прельстил едва не весь город» получил должный отпор, поскольку «люди, принадлежавшие к высшему сословию, духовенство и все твердо верующие не только не доверяли волхвам, но и смеялись над ними, противодействовали им. ...Епископ новгородский не устрился торжественно явиться пред толпою, хотевшею умертвить его по наущению от волхва, и смело возвестить слово истины; новгородский князь с своею дружиною стал на стороне епископа и потом собственноручно умертвил волхва-обманщика»⁹.

Вообще, события 1071 г. в Новгороде многие историки XIX в. либо просто упоминали в своих работах как восстание противников христианства или язычников, не давая ему какой-нибудь дополнительной оценки (Погодин М. П.¹⁰, Беляев И. Д.¹¹), либо приводили его для иллюстрации слабости в это время христианской веры. Так С. М. Соловьев отмечал: «как слабо еще было вкоренено христианство на севере, лучшим доказательством служит следующий рассказ летописца: встал волхв в Новгороде, при князе Глебе Святославиче, стал говорить к народу, выдавать себя за бога, и многих прельстил, почти что весь город»¹², ему вторили К. Н. Бестужев-Рюмин: «...нельзя не видеть, что христианство было еще очень слабо в Новгороде, как и на всем севере»¹³ и А. И. Никитский: «...как явление новое, не подготовленное свободным распространением новой веры, христианство долгое время не могло быть в Новгороде ни достаточно прочным, ни достаточно глубоким. ... Лучшим доказательством этого могут служить успехи, которыми сопровождалось появление волхвов на севере»¹⁴.

Эту «генеральную линию» оценок событий 1071 г. дополняло наблюдение Е. А. Белова о современности новгородским волнениям восстаний в других славянских землях: «Христианство усваивалось более всего князьями и дружиною, народ же на Севере и по Оке встречал его враждебно и принимал туго; так было и в Польше. При Болеславе II, современнике Изяслава, поднялись польские крестьяне не только против панов, но и духовенства... Точно также в начале семидесятых годов XI века, в Новгороде какой-то волхв открыто ругался над христианством»¹⁵.

Выделялось на общем фоне и мнение Н. И. Костомарова, который полагал, что «по неясным чертам можно видеть не только вражду разных партий, но и борьбу старших с меньшими, в некоторых событиях XI и XII века; например, в 1071 году, при князе Глебе, когда явился волхв и вызывался перейти Волхов,

⁹ Макарий (Булгаков), еп. История Русской церкви. СПб., 1857. Т. 2. С. 27–29.

¹⁰ Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига. М., 1871. Т. 1. С. 304.

¹¹ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. 2. История Новгорода Великого с древнейших времен до падения. М., 1864. С. 233.

¹² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1896. Кн. 1. Т. 1–5 (3). С. 721–722.

¹³ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872. Кн. 1. С. 380.

¹⁴ Никитский А. И. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде // Журнал Министерства народного просвещения. Февраль 1879. Часть ССІ. 1879. С. 283–283.

¹⁵ Белов Е. А. Русская история до реформы Петра Великого. СПб., 1895. С. 44.

черный народ, долее упорствовавший в язычестве и, как видно, в то время еще не приладивший своих заветных чувств и понятий ко введенному огнем и мечом христианству, пошел за волхвом и посягал даже на епископа». Н. И. Костомаров пользовался данными Софийской летописи, поэтому разъяснял: «Князь и бояре его пошли за епископом, а людие – то есть народ – за волхвом. Едва ли в этом месте можно разуместь под боярами князя исключительно дружину его, которая пришла с ним с юга. Иначе, если б под словом людие понимать всех новгородцев вообще, то надобно предположить, что христианство вовсе не имело никакой почвы в стране. И потому скорее можно толковать это место так, что христианство было распространено между старейшими, а язычество держалось в массе»¹⁶.

Консерватизм оценок, восходящий к построениям Н. М. Карамзина и теории официальной народности, демонстрировал Д. И. Иловайский. Поддерживая ставшее практически общим мнение, что «вдали от главных городов христианство довольно медленно распространялось между племенами, вошедшими в состав Русской земли», он обращал внимание, что «особенно упорную борьбу с язычеством проповедники новой религии должны были выдерживать на севере, где в населении преобладал финский элемент и где языческие волхвы пользовались еще значительным влиянием на народ. Здесь жители, даже принявшие крещение, иногда возвращались к своим языческим богам и производили мятежи, будучи возмущаемы волхвами. При сыновьях Ярослава... в самом Новгороде произошло такое возмущение. На помощь церковной иерархии явилась власть светская: князь Глеб с дружиною защитил духовенство и усмирил мятеж»¹⁷.

Кстати, раскрывая роль «финского элемента» для летописных волхвов, на которую намекал Д. И. Иловайский, В. О. Ключевский совершенно справедливо заметил: «русский летописец XI в., говоря о волхвах, о поверьях или обычаях очевидно финских, не делает и намека на то, что ведет речь о чужом племени, о чуде: язычество, поганство русское или финское для него совершенно одно и то же; его нисколько не занимает племенное происхождение или этнографическое различие языческих верований»¹⁸.

Уже в дореволюционной литературе появляются сомнения в точности самой летописной даты восстания: Е. Е. Голубинский писал, что «между 1074-м и 1078-м годами явился волхв в Новгород»¹⁹. Историк соглашался с широко присутствующим в литературе тезисом, что в это время «христианство было более номинальным, чем действительным», но дополнял это наблюдение важной деталью, отмечая, что «первое, довольно долгое, время после крещения Новгородцы, бывшие еще весьма плохими христианами, вероятно, смотрели на своих епископов более или менее индифферентно, — видели в них неземских чиновников, присланных из Киева»²⁰.

¹⁶ Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки) // Собрание сочинений. СПб., 1904. Кн. 3. Т. 7–8. С. 290.

¹⁷ Иловайский Д. И. История России. Ч. 1. Киевский период. М., 1876. Т. 1. С. 192.

¹⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории. Петроград, 1918. Ч. 1. С. 376.

¹⁹ Голубинский Е. Е. История русской Церкви. Т. 1. Период первый, Киевский или Домонгольский. Первая половина тома. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1901. С. 213.

²⁰ Там же. С. 554-555.

По вопросу о времени новгородского выступления волхва с Е. Е. Голубинским был согласен Н. А. Рожков²¹, поддержал его и Н. М. Гальковский: «сохранилось предание о появлении волхва в Новгороде; рассказ об этом передается в летописи под 1071 г., но на самом деле волхв в Новгороде мог явиться между 1074–1078 гг.». Он выделял экономическую подоплёку появления волхвов в XI в.: «с распространением христианства волхвы теряли доверие у более просвещенной части русского общества: прибыльное их ремесло падало, и потому естественно волхвы оказались ревностными поборниками язычества и противниками христианства», и обращал внимание на то, что выступление волхва в Новгороде в 1071 г. это «единственный случай, когда волхв стал в открытую оппозицию христианству. Волхвы скоро поняли, что им не одолеть господствующего течения. Они стали скрывать свое ремесло и в значительной мере сумели удерживать свое влияние на народ»²².

Другой исследователь древнерусского язычества — В. В. Аничков тоже сдвигал дату новгородских волнений, но на более ранний срок, считая, что «Глеб Святославич убил волхва, поднявшего против него весь Новгород когда-нибудь между 1066–1069 годами», причем, по его мнению, новгородские события были эпизодом одного длительного восстания волхвов — «целых полвека, почти непрерывно, по всему северу, от Новгорода до Ростова, в Суздальской земле, на Белоозере, на Волге и по Шексне, иногда даже в самом Новгороде, забирали власть волхвы, и народ шел за ними»²³. Историк называл события 1071 г. последней вспышкой «влияния волхвов и на высшее сословие, а одновременно и на административный центр»²⁴ и задавался вопросом: «Если кн. Глеба Святославича убила именно Чудь, после того, как его выгнали Новгородцы, то напрашивается вопрос: нет ли связи между этим событием и борьбой его с волхвами? Они могли отомстить ему лучше всего там, где были всего сильнее»²⁵.

Наблюдения дореволюционных историков оказались востребованы в историографии XX века, хотя советские учёные интерпретировали события 1071 г. по своему, исходя, прежде всего, из марксистских представлений о роли классово-вой борьбы в истории. В историографии возникло устойчивое представление, что выступления волхвов XI в. связаны с антифеодальной борьбой смердов.

Так, Н. Н. Воронин, признавая, что в случае с новгородскими событиями 1071 г. «летопись не раскрывает социальных корней мятежа», говорил, что «определить их можно лишь в свете происходивших тогда событий, на первый взгляд не связанных с восстанием. Одним из них является чрезвычайно напряженная борьба полоцкой династии против господства киевского княжеского дома в Новгороде и Киеве». Другим то, что походы русских князей на окрестные Новгороду племена вызвали активную борьбу «варварских племен Новгородской земли против захватов новгородских феодалов», которая «разрослась в широкое движение, поощря-

²¹ Рожков Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. М., 1905. Ч. 1. С. 101.

²² Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1. С. 132.

²³ Аничков В. В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914. Репринт: М., 2003. С. 141–142.

²⁴ Там же. С. 279.

²⁵ Там же. С. 276.

емое волхвами». Определяя новгородские события 1071 г. как восстание смердов, историк уточнял, что «северные смерды — еще свободные члены сельской общины, борющиеся против растущего внутри ее имущественного неравенства» и «то обстоятельство, что во главе восстаний стояли волхвы, придававшие движению языческий, антихристианский характер, свидетельствовало о прочности влияния старых идеологических представлений. Восстания облагаемых данью и закрепощаемых смердов явились крупнейшей прогрессивной силой, ускорившей распад варварской империи Рюриковичей, кристаллизацию феодальных отношений и организацию феодального государства»²⁶.

Н. Н. Воронин усилил присутствовавшую в дореволюционной историографии мысль о связи новгородского выступления волхва с аналогичными событиями в Польше: «Восстания смердов в киевской Руси не единичны: они представляют звено в цепи аналогичных восстаний, охватывавших в то время ряд областей к востоку от Эльбы. Таково народное восстание в Польше (1034–1040 годы), в подавлении которого участвовал князь Ярослав, и восстание вендов (1065–1066 годы). Эти восстания являются вехой всемирноисторического значения, пролагающей грань между дофеодальным и феодальным периодами»²⁷. Можно отметить, что тезис о схожем характере мятежей XI в. у славян поддерживали в это время ведущие советские историки²⁸.

Закреплению в науке характеристики новгородских волнений 1071 г. как восстания смердов способствовал авторитет такого корифея исторической науки как Б. Д. Греков. В своих трудах он разъяснял, что «волхв агитировал против христианства, за старую языческую веру. Замечательно, что “людые вси идоша за волхва; и бысть мятежь велик меж ими”. За христианство стали только князь Глеб и его дружина. Секрет именно такого разделения идеологических симпатий объясняется в значительной степени тем, что народные массы связывали с новой религией перемены, происходившие в их хозяйственном и правовом положении: князья и их окружение, т.е. наступающая на старую крестьянскую общину сторона, освящали свое поведение новой религией, между тем как волхвы отставали старину, при которой смерд когда-то чувствовал себя свободно»²⁹. То, что в новгородском восстании 1071 г., где «светские и духовные феодалы столкнулись с простыми, незнатными людьми», участвовали «может быть и смерды», говорил Л. В. Черепнин³⁰. Осторожность формулировки Л. В. Черепнина объяс-

²⁶ Воронин Н. Н. Восстание смердов в XI веке // Исторический журнал. 1940. № 2. С. 57–58.

²⁷ Там же. С. 61.

²⁸ См., например: Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 267; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания XI – XIII вв. // Древняя Русь. М., 1975. С. 129.

²⁹ Греков Б. Д. Киевская Русь... С. 266–267 (с небольшими изменениями та же мысль высказывалась и в других работах этого автора. См., например: Греков Б. Д. 1) Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М., 1952. Кн. 1. С.233–234; 2) Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. Глава II. Развитие феодальных отношений и складывание предпосылок феодальной раздробленности на Руси (XI – начало XII в.). М., 1953. Т. 3. Ч. 1. С. 178–179.

³⁰ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А. П., Пащито В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 184.

нялась, по всей видимости, тем непреложным фактом, что «ни о каком участии сельского населения в источнике, вопреки Б. Д. Грекову, нет ни слова»³¹.

Впрочем, это не мешало советским историкам подчеркивать классовый характер новгородского мятежа 1071 г. В. В. Мавродин считал, что летописный «текст свидетельствует о том, какие социальные слои стояли за спиной поднявшего «встань» волхва, — это было новгородское «людь»; князь и его дружина вкупе с епископом выступали враждебной им силой»³². В новгородском восстании 1071 г. В. В. Мавродин увидел ещё и сопротивление киевским властям: «Новгород — второй по величине после Киева город древней Руси — в большей степени сохранил старые, дохристианские верования. Его многочисленная “простая чадь” сопротивлялась и христианской церкви, и киевским князьям, стремившимся подчинить себе Новгород, поставить своих дружинников в особо привилегированное положение и заставить новгородцев платить дань»³³. М. Н. Тихомиров писал: «Из летописного рассказа выясняется, что почти весь Новгород поддержал волхва, “и бысть мятеж в граде”. На стороне епископа оказались только Глеб и дружина, “а людьє вси идоша за волхва”. Тут обрисовывается столкновение двух антагонистических классов: с одной стороны феодалы — высшее духовенство вместе с князем и дружинниками, с другой стороны, “людьє”, широкие городские массы»³⁴. Аналогичный тезис содержался у Б. А. Рыбакова: «...Классовая сущность христианства нигде не выступала с такой диаграммной четкостью, как в эпизоде, завершившемся тем, что Глеб Святославич собственноручно рассек топором опасного соперника епископа Федора»³⁵. В. Т. Пашуто заключал, что князь Глеб «убил топором руководителя выступления новгородских простых людей»³⁶.

В 1979 г. вышла статья О. М. Рапова, отразившая продолжавшиеся в науке споры о дате появления волхва в Новгороде. Действительно, разнообразие мнений здесь было довольно широким: Н. Н. Воронин относил мятеж волхва к 1066 г.³⁷, В. В. Мавродин к 1066–1069 гг.³⁸, М. Н. Тихомиров говорил, что это событие «поставлено в летописи под 1071 г., но чисто условно» и его «можно поставить в прямую связь с киевским восстанием 1068 г.»³⁹, однако в другой своей работе прямо указывал, что «в 1073 г. к языческим волхвам в Новгороде присоединилось большинство новгородцев (“все люди пошли за волхвом”), с еписко-

³¹ Лукин П. В. Вече: социальный состав // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 45.

³² Мавродин В. В. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949. С. 149.

³³ Мавродин В. В. Народные восстания в Древней Руси XI–XIII вв. М., 1961. С. 37.

³⁴ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания XI–XIII вв... С. 128.

³⁵ Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 19.

³⁶ Пашуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 120.

³⁷ Воронин Н. Н. Восстание смердов в XI веке... С. 61.

³⁸ Мавродин В. В. Очерки по истории феодальной Руси... С. 149–150.

³⁹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 204.

пом остался только князь Глеб с дружиной»⁴⁰. Сам О. М. Рапов считал, что «наиболее вероятным временем новгородского восстания является весна — лето или ранняя осень 1069 г.», в качестве обоснования приводя следующие аргументы: «Солнечное затмение 1064 г., появление кометы в 1066 г., поражение новгородского войска на Черехе, разорение и сожжение Новгорода Всеславом, увоз им новгородской святыни — креста Владимира, убийство епископа Стефана собственными холопами, отсутствие на протяжении ряда месяцев твердой власти в городе, как княжеской, так и епископской, — все эти события должны были привести к оживлению языческих представлений у жителей Новгородской земли»⁴¹.

К концу 1970-х — 1980-м годам тезис о классовом характере новгородского мятежа 1071 г. был уже аксиомой. Восстанием смердов эти события теперь не называли, а определение классового характера борьбы сместилось в плоскость противостояния язычества и христианства. О. М. Рапов писал о новгородском восстании «направленном против церкви и князя»⁴², аналогичную оценку давал В. И. Буганов: «восстание было направлено против господствующей православной церкви и тем самым против светской власти»⁴³, «люди все», т.е. простой люд, отошли к волхву, к епископу же отошли лишь князь Глеб и его дружина, т.е. верхушка феодалов»⁴⁴, А. С. Хорошев объяснял, что «внедрение христианства на языческих просторах Киевской Руси происходило в условиях непрекращающихся выступлений народных масс против государственной религии. Отголоски этих движений мы находим на страницах летописей, отражающих события 60-70-х годов XI в. Понятно стремление летописца затушевать истинные причины народных волнений, однако даже сквозь искаженное повествование четко выступает их антицерковная направленность»⁴⁵. Выступление волхва показало слабость христианства в Новгороде — И. А. Крывелев подмечал, что «через 80 лет после того, как Добрыня крестил новгородцев, они не испытывали симпатий к христианству и все стали на сторону апологета старой, языческой веры!»⁴⁶, а А. Г. Кузьмин выносил вердикт: «из самого факта этого выступления можно заключить лишь, что христианство в сознание масс ещё не проникло, а язычество не имело необходимой для решительной борьбы жреческой организации»⁴⁷. В. Ф. Андреев тоже обращал внимание, что «даже через восемьдесят с лишним лет после крещения Руси в Новгороде (да и не только в нем одном) происходили волнения, инспирированные волхвами, языческими жрецами, за которыми шла значительная часть населения», по его мнению, в 1071 г. «один

⁴⁰ Тихомиров М. Н. Языческое мировоззрение и христианство // Религия и Церковь в истории России. М., 1975. С. 44.

⁴¹ Рапов О. М. О датировке народных восстаний на Руси XI в. в Повести временных лет // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 149.

⁴² Там же. С. 145.

⁴³ Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России: Социально-экономические проблемы. М., 1980. С. 124.

⁴⁴ Буганов В. И. Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв.: Кн. для учителя. М., 1986. С. 24–25.

⁴⁵ Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 20.

⁴⁶ Крывелев И. А. История религий. Очерки в двух томах. М., 1975. Т. 1. С. 314–342.

⁴⁷ Кузьмин А. Г. Падение Перуна: Становление христианства на Руси. М., 1988. С. 197.

волхв сумел при помощи проповедей вернуть к древним верованиям значительную часть новгородцев»⁴⁸.

С обоснованием классового характера новгородского противостояния 1071 г. выступил Я. Н. Шапов: «Волхвы были идейными вдохновителями и организаторами народных движений в XI в. не только в деревне, но и в городах — Киеве, Новгороде. Такая политическая роль служителей языческого культа определялась тем, что смена старой религии новой христианской сопровождала крупные изменения в социальном и политическом строе страны. Государственная власть, представлявшая новый, феодальный строй, с конца X в. сделала христианство, религию классового общества, официальной системой и идеологией. ...Служители языческого культа, терявшие в ходе распространения христианства социальную базу, видели в народных восстаниях против княжеской власти возможность задержать этот процесс и повысить свой авторитет»⁴⁹. В своей статье Я. Н. Шапов осуждал появившуюся в литературе тенденцию отрицать классовый характер социальных движений на Руси в XI в.

Возмутителем историографического спокойствия выступал И. Я. Фроянов, именно он начал «кардинальный отход от прежних представлений о Древней Руси, от догматического видения исторического процесса»⁵⁰. Что касается оценки новгородских событий 1071 г., учёный относил их к 1076–1077 гг., обращая внимание, что «дендрохронология указывает на недород, потрясший Новгородскую землю в 1075 г.» и волнения в Новгороде «имели место приблизительно в то же время, скорее всего, в 1076 или в 1077 гг.»⁵¹. Историк видел в них размежевание, происходящее «на религиозном фоне, но по политическим соображениям», суть которого заключалась в том, что «князь Глеб с дружиной и епископ — пришлые люди, олицетворяющие собой власть Киева над Новгородом и потому противостоящие новгородской общине. Последнее обстоятельство и определило расстановку общественных сил в Новгороде во время религиозных по форме, но политических по существу коллизий 1071 года»⁵².

Подробно новгородский конфликт с участием волхва И. Я. Фроянов разобрал в монографии «Мятежный Новгород». Охарактеризовав его оценку как классового движения, антифеодального по своей природе в предшествующей историографии, учёный вынужден был признать: «полагаем, что образование в Новгороде двух противоположных группировок осуществлялось несколько иначе, чем представлялось Б.Д. Грекову, М.Н. Тихомирову, Л.В. Черепнину и Б.А. Рыбакову». Историк соглашался: «само собой разумеется, что князь с дру-

⁴⁸ Андреев В. Ф. Северный страж Руси. Очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1989. С. 27.

⁴⁹ Шапов Я. Н. Характер крестьянских движений на Руси в XI в. // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 141.

⁵⁰ Алексеев Ю. Г., Пузанов В. В. Проблемы истории средневековой Руси в трудах И.Я. Фроянова // Исследования по Русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 10.

⁵¹ Фроянов И. Я. Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 177.

⁵² Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 252.

жиной в лице епископа защищал церковь, которая, в свою очередь, содействовала всяческому укреплению княжеской власти. И тем не менее эту взаимопомощь нельзя расценивать как классовую солидарность феодалов, поскольку ни епископ, ни князь с дружиной таковыми в XI в. еще не стали». Вывод, к которому приходил И. Я. Фроянов, звучал явным диссонансом с господствующими в науке взглядами: «Перед нами столкновение городской общины с высшими властями — епископом и князем. Иными словами, мы присутствуем при раздоре среди свободной части населения Новгорода, а отнюдь не между классом феодалов и феодальнозависимых»⁵³.

Мятеж вылился в противостояние язычества с христианством, но дело здесь было не в том, что новгородцы «вдруг взревновали о язычестве». И. Я. Фроянов отмечает, что волхв появился в городе в «лихую годину». «Ораторствуя на вечевых собраниях, он хулил христианскую веру, призывая новгородцев вернуться в лоно язычества и восстановить общественное благополучие. Языческий обычай в подобной ситуации требовал человеческой жертвы. Выбор, естественно, пал на епископа как на правителя, олицетворявшего к тому же христианскую веру, от которой откачнулись новгородцы, намеревавшиеся “погубить” (принести в жертву) владыку. И они, бесспорно, “погубили” бы его, не прояви князь Глеб хитроумие и решительность»⁵⁴. Вскоре, впрочем, новгородцы прогнали Глеба с княжеского стола «и едва не убили, возмущенные неумением правителя дать общине благоденствие». «Все это, конечно, — гипотетические мысли и догадки», — признавал автор, но тут же уверенно констатировал: «даже если они не верны, бесспорным для нас остается то, что столкновения в Новгороде нельзя отождествлять с классовой борьбой, ибо противоборство социальных сил здесь осуществлялось не на классовой основе: по одну сторону стоят епископ, князь и дружина, а по другую нерасчлененная масса новгородцев, куда входят знатные и простые свободные люди. Это — религиозный и бытовой конфликт общины со своими высшими властями. Но в нем, хотя и в скрытом виде, заключена идея сопротивления Новгорода Киеву в лице его представителей — князя и епископа, оказавшихся в волховской столице по воле киевских светской и духовной властей»⁵⁵.

Эти выводы содержатся и в более поздних работах И. Я. Фроянова⁵⁶, они имеют небольшую редактуру, из которой, впрочем, видно, насколько важным для автора в момент выхода «Мятежного Новгорода» был тезис об отсутствии характера классовой борьбы у событий 1071 г.

В современной историографии того монолитного единства мнений, которое зачастую демонстрировала историография советская, уже нет. Можно сказать, что работы И. Я. Фроянова определяют поворотный момент в развитии исторической науки, когда разнообразие мнений, оценок исторических событий становится привычным явлением. Правда, зачастую стремление к оригинальности взгляда,

⁵³ Фроянов И. Я. Мятежный Новгород... С. 175–176.

⁵⁴ Там же. С. 178.

⁵⁵ Там же. С. 181–182.

⁵⁶ См, например: Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 162–172; *Его же*. Древняя Русь IX–XIII вв. Народные движения. Княжеская и вечевая власть: учебное пособие. М., 2012. С. 116–123; *Его же*. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб, 2015. С. 516–519.

оборачивается для некоторых авторов снижением требований к тщательности исторического анализа, слишком вольной интерпретацией источников.

На примере оценки появления волхва в Новгороде в 1071 г. можно видеть, что в современной науке продолжает присутствовать практически весь спектр мнений об этом событии, выработанный предшествующей историографией.

Ученик И. Я. Фроянова — А. В. Петров рассматривает новгородские события 1071 г. сквозь призму своей концепции «одиначества». Он поддерживает мысль И. Я. Фроянова, что «в спровоцированных волхвом событиях 1071 г. против епископа, князя и его дружины выступили “люди вси”, т.е. городская община Новгорода как целое выступила против присланных из Киева властей, не ставших ещё *в полной мере* (курсив автора — Н. Х.) блюстителями местных интересов»⁵⁷. По словам историка, «древненовгородская литература знала примеры сатирического высмеивания как идеи соперничества и “усобиц”, в основе которых лежали языческие традиции, так и идеи агрессивного, по-язычески понятного “одиначества”», — об этом свидетельствует летописный рассказ, помещенный под 1071 г. А. В. Петров обращает внимание, что «солидарность, иными словами, — “одиначество” жителей города, реализуемое по языческому образцу, непременно предполагало “погубление” противников. Однако торжеству “зла” не суждено было состояться. Приверженцы его были посрамлены. Описание их действий, претензий и их самих имеет характер настоящей карикатуры. “Люди вси” — солидарный коллектив «мало не всего града», за минуту до того буянивший и выражавший воинственные желания, легко и мгновенно “разидошася”, а главный возмутитель спокойствия — лидер языческого “одиначества”, выставленный в нарочито смешном виде, “паде мертв”, став жертвой собственной глупости и неверия»⁵⁸.

Не забыты в наше время и идеи дореволюционной историографии. Так, В. Я. Петрухин, опираясь на мнение Н. М. Гальковского, выводит в своих работах новгородский конфликт 1071 г. за рамки противостояния язычества и христианства, соотнося проповедь волхва с богомильской ересью. Признавая, что «в самих “восстаниях волхвов” не следует прямо усматривать “классовую борьбу”, антифеодальное движение смердов», учёный считает, что «древнерусские власти столкнулись в XI в. не просто с “языческой реакцией” на крещение, имевшее место в конце X в., а с эсхатологическим “пророческим” движением, происходившем в экстремальных условиях — разрушения традиционных племенных устоев, княжеских поборов, христианизации, половецких набегов и голода»⁵⁹. Впрочем, возможная связь волхвов не с язычеством, а с христианством допускалась и ранее: В. М. Зубарь и Ю. В. Павленко писали в 1988 г.: «примечательно, что во второй половине XI в. выступавшие с открытыми антицерковными речами волхвы используют многие специфические христианские мотивы. Киевский пророк говорит о чем-то вроде конца света... Его новгородский единомышленник из своих

⁵⁷ Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003. С. 109–110.

⁵⁸ Там же. С. 95–96. Что летописец смеётся над волхвами, считал и митрополит Макарий (см.: Макарий (Булгаков), еп. История Русской церкви. Т. 2. СПб., 1857. С. 29).

⁵⁹ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М., 2000. С. 315–318.

будущих чудес особенно выделяет хождение по воде, что наталкивает на мысль о его желании уподобиться Иисусу»⁶⁰.

Обращая внимание на то, что источники практически не содержат никаких данных об организованном сопротивлении крещению в конце X в., но «между тем такие данные имеются по периоду, когда от официального принятия христианства прошло почти столетие. Это 60-е — 70-е гг. XI в.», А. А. Горский обратился к анализу известий о «восстаниях волхвов» XI в. Его исследование делает возможным «судить о масштабах, характере и особенностях психологической адаптации к смене религии, т.е. главной мировоззренческой парадигмы средневекового человека». Тонкая работа с материалом исторических источников, позволила автору прийти к выводу, что «в конце X — начале XI в. даже верхушка общества — князь и дружинная знать — продолжали в значительной мере в повседневной жизни исходить из языческих представлений. Духовенство, состоявшее почти исключительно из чужеземцев, имело ограниченные возможности воздействия на жизненный уклад широких общественных слоев. Положение стало меняться, и достаточно радикально, в середине XI столетия. Во-первых, светская знать освоила христианские нормы поведения, во-вторых, выросли отечественные «кадры» духовенства. В результате с конца правления Ярослава начинается активное внедрение христианских морально-нравственных норм... Вторжение христианских норм в повседневную жизнь рядового населения и вызвало в третьей четверти XI в. серию конфликтов с религиозной окраской»⁶¹. По мнению А. А. Горского, для авторов второй половины XI в. очевидна истина: «христианин не может убивать христианина (и даже язычника, если он подданный Руси), убийство же язычником язычника — нормальное явление»⁶². Таким образом, «вопреки обыденному представлению о «мрачном средневековье» в домонгольской Руси не существовало такого вида наказания за преступление, как смертная казнь». И в этом свете убийство Глебом Святославичем волхва в Новгороде — это не обоснованная правовой нормой казнь, а убийство «предводителя повстанцев в ситуации, чреватой вооруженной схваткой»⁶³.

Степень распространения христианских морально-нравственных норм на Руси XI в. по-разному расценивается в современной науке. А. И. Алексеев говорит, что «данные о выступлении волхвов и расправе с ними вполне вписываются в нравы и обычаи традиционного, незатронутого христианизацией общества»⁶⁴. По мнению В. В. Долгова, «вероломный на первый взгляд поступок князя Глеба, ударившего названного волхва топором в самый разгар “дискуссии”, возымел действие — “людье разидошеся”... Подобные “непарламентские” способы борьбы против языческих лидеров на практике были наиболее действенны, так как с

⁶⁰ *Зубарь В. М., Павленко Ю. В.* Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев, 1988. С. 197.

⁶¹ *Горский А. А.* Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 128.

⁶² *Горский А. А.* “Всего еси исполнена земля русская...”: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001. С. 99.

⁶³ Там же. С. 101.

⁶⁴ *Алексеев А. И.* Эсхатологические переживания в Западной Европе и на Руси в IX — XV вв. (синхронно протекавшие процессы или типологическое сходство?) // Исследования по русской истории и культуре. С. 249.

идейных позиций самих же язычников физическое поражение являлось ярким свидетельством их неправоты»⁶⁵. А. Е. Мусин считает, что «нравственное развитие нации, вызванное евангелизацией, еще не привело к тому уровню гуманистического и либерального сознания, когда человек начинал понимать недопустимость принуждения и “противления злу силой” в деле защиты собственных религиозных убеждений»⁶⁶. Работы последнего автора содержат оригинальную трактовку известий о явлении волхва в Новгороде.

В монографии 2005 г. он выступает сторонником существования в Древней Руси «дружины Господней», идеология которой «выражается в особом самосознании общества и символике его культуры в эпоху христианизации, характеризовавшихся специфическим сочетанием религиозных и милитаристских элементов. Представления раннехристианского общества о себе самом в условиях достаточно агрессивного нехристианского окружения сводились к видению себя как авангарда борьбы за новые религиозные ценности».

По мнению историка, о существовании «дружины Господней» в Древней Руси свидетельствует «уникальный рисунок на бересте, происходящий из материалов археологических исследований на Троицком раскопе в Великом Новгороде и датируемый 1070-ми гг. Он изображает человека с воздетыми вверх крестом и топором на фоне шатрового храма, увенчанного крестом» Автор признается, что «было бы соблазнительно увидеть здесь непосредственный портрет и иллюстрацию событий 1071 г. Однако для утверждения факта существования «дружины Господней» на Руси нам вполне достаточно признать, что сочетание креста и топора, поднятых для утверждения церкви, было действительно настолько массовым явлением, что нашло отражение в археологическом материале»⁶⁷.

Интересной, хотя и спорной, требующей дополнительного обоснования, видится попытка А. Е. Мусина увидеть в летописном сообщении о том, что епископ Федор, при котором случился мятеж 1071 г., был «уяден» собственным псом, намек на то, что «в глазах современников смерть епископа, противостоящего язычникам, от пса, символа язычества, могла приобрести мифо-эпическую интерпретацию»⁶⁸.

Не менее спорными, но в то же время весьма любопытными, являются положения П. И. Гайденко. В одной фразе он отнес волхвов и к еретикам-христианам и к язычникам: «Не исключено, что они (волхвы — Н. Х.) являлись первыми русскими еретиками, впитавшими в свои религиозные взгляды основы христианства и сохранившими при этом языческий образ жизни (или такой, какой мог быть отождествляем с язычеством), не противоречивший исповедуемому ими богомилству»⁶⁹. По мнению историка, вся ситуация с новгородскими волнениями 1071 г. была вызвана какими-то действиями епископа Федора, «вос-

⁶⁵ Долгов В. В. Быт и нравы Древней Руси. М., 2007. С. 428–429.

⁶⁶ Мусин А. Е. *Milites Christi* Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. С. 63–64.

⁶⁷ Там же. С. 91.

⁶⁸ Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб., 2013. С. 28.

⁶⁹ Гайденко П. И. Очерки церковно-государственных отношений в Киевской Руси: Становление высшего церковного управления (1037–1093 гг.). Казань, 2006. С. 76.

ставшие в Новгороде жители не выступают против князя и дружины... Восставшие не занимаются погромами (об этом нет и речи), они не разрушают церкви, не грабят дома богатых горожан. Это может означать одно – мятеж хорошо организован и лишен какой бы то ни было стихийности», более того «все перечисленное указывает на возможное участие в восстании и его организации городских верхов»⁷⁰.

На фоне столь разноплановых оценок новгородского восстания 1071 г. выделяется традиционный подход к интерпретации случившегося сквозь призму классовой борьбы. Он содержится в работах В. Л. Янина, придерживающегося той точки зрения, что «восстания в Новгороде носили исключительно классовый характер. В ходе их на одной стороне оказывался восставший народ, а на другой – все бояре»⁷¹. События 1071 г. характеризуются В. Л. Яниным как «острейший конфликт», который «был только частью “восстания волхвов”, охватившего тогда широкие пространства новгородской и соседней с ней земель»⁷².

Итак, к настоящему времени в историографии накопилось множество оценок новгородских событий, отнесённых летописью к 1071 г.: от характеристики случившегося, как религиозного противостояния язычества и христианства, к признанию классовой природы мятежа и даже придания ему статуса антифеодального восстания смердов – эта оценка стала доминирующей в советской историографии. Однако пересмотр отношения к древней Руси, как феодальному государству, мысль об отсутствии в XI в. сложившихся антагонистических классов и господстве патриархальных отношений, высказанная в работах И. Я. Фроянова, позволили оценить мятеж, как внутриобщинный религиозный и бытовой конфликт. Разрушение почти монолитного единства советской историографической картины, отход от прежних научных догматов привели к пестроте мнений о природе этого мятежа, вплоть до отрицания его языческого характера и направленности против новгородских властей. Как это часто бывает, скудость текста источника ведёт к многообразию его трактовок, для оценки их объективности нужно только не забывать про сам источник.

Источники и литература:

1. *Алексеев А. И.* Эсхатологические переживания в Западной Европе и на Руси в IX–XV вв. (синхронно протекавшие процессы или типологическое сходство?) // Исследования по русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 237–263.
2. *Алексеев Ю. Г., Пузанов В. В.* Проблемы истории средневековой Руси в трудах И.Я. Фроянова // Исследования по Русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 3–23.
3. *Андреев В. Ф.* Северный страж Руси. Очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1989.
4. *Аничков В. В.* Язычество и древняя Русь. СПб., 1914. Репринт: М., 2003.
5. *Белов Е. А.* Русская история до реформы Петра Великого. СПб., 1895.

⁷⁰ Там же. С. 81.

⁷¹ *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 7 (тот же тезис содержится и в переиздании работы в 2003 г.).

⁷² *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 42.

6. *Беляев И. Д.* Рассказы из русской истории. Кн. 2. История Новгорода Великого с древнейших времен до падения. М., 1864.
7. *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. Кн. 1. СПб., 1872.
8. *Буганов В. И.* Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв.: Кн. для учителя. М., 1986.
9. *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Эволюция феодализма в России: Социально-экономические проблемы. М., 1980.
10. *Воронин Н. Н.* Восстание смердов в XI веке // Исторический журнал. 1940. № 2. С. 52–61.
11. *Гайденко П. И.* Очерки церковно-государственных отношений в Киевской Руси: Становление высшего церковного управления (1037–1093 гг.). Казань, 2006.
12. *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. Харьков, 1916.
13. *Голубинский Е. Е.* История русской Церкви. Т. 1. Период первый, Киевский или Домонгольский. Первая половина тома. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1901.
14. *Горский А. А.* “Всего еси исполнена земля русская...”: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001.
15. *Горский А. А.* Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.
16. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953.
17. *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. 1. М., 1952.
18. *Долгов В. В.* Быт и нравы Древней Руси. М., 2007.
19. *Зубарь В. М., Павленко Ю. В.* Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев, 1988.
20. *Иловайский Д. И.* История России. Ч. 1. Киевский период. Т. 1. М., 1876.
21. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 2. СПб., 1818.
22. *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки) // *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. СПб., 1904. Кн. 3. Т. 7–8.
23. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1. Петроград, 1918.
24. *Крывелев И. А.* История религий. Очерки в двух томах. Т. 1. М., 1975.
25. *Кузьмин А. Г.* Падение Перуна: Становление христианства на Руси. М., 1988.
26. *Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я.* Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988.
27. *Лукин П. В.* Вече: социальный состав // *Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С.* Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 33–147.
28. *Мавродин В. В.* Народные восстания в Древней Руси XI–XIII вв. М., 1961.
29. *Мавродин В. В.* Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949.
30. *Макарий (Булгаков), еп. Винницкий.* История Русской церкви. Т. 2. СПб., 1857.
31. *Мусин А. Е.* Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб., 2013.
32. *Мусин А. Е.* Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005.
33. *Никитский А. И.* Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде // Журнал Министерства народного просвещения. Февраль 1879. Часть ССІ. 1879. С. 279–312.
34. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. М.; Л. 1950.
35. ПСРЛ. Т. 4 / Новгородская четвёртая летопись. Ч. 1. М., 2000.
36. Очерки истории СССР. Период феодализма IX – XV вв.: в 2-х частях. Ч. 1. Т. 3. / Под ред. Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто. М., 1953.
37. *Пашуто В. Т.* Особенности структуры Древнерусского государства // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н.* Древнерусское госу-

- дарство и его международное значение. М., 1965. С. 11–127.
38. *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усабицы (к изучению древнерусского вечегов уклада). СПб., 2003.
 39. *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М., 2000. С. 13–412.
 40. *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига. Т. 1. М., 1871.
 41. *Полевой Н. А.* История Русского народа. Т. 2. М., 1829.
 42. ПСРЛ. Т. 6 / Софийские летописи. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.
 43. *Рапов О. М.* О датировке народных восстаний на Руси XI в. в Повести временных лет // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 137–150.
 44. *Рожков Н. А.* Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. 1. М., 1905.
 45. *Рыбаков Б. А.* Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 12–47.
 46. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1–5 (3). СПб., 1896.
 47. *Татищев В. Н.* История Российская. Кн. 2. М., 1773.
 48. *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956.
 49. *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания XI–XIII вв. // *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М., 1975. С. 42–232.
 50. *Тихомиров М. Н.* Языческое мировоззрение и христианство // Религия и Церковь в истории России. М., 1975. С. 42–46.
 51. *Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский.* История Русской Церкви. Период первый. От начала христианства в России до нашествия монголов (988–1237 гг.). Харьков, 1849.
 52. *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Народные движения. Княжеская и вечевая власть: учебное пособие. М., 2012.
 53. *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.
 54. *Фроянов И. Я.* Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб, 2015.
 55. *Фроянов И. Я.* Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992.
 56. *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.
 57. *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 128–278.
 58. *Щапов Я. Н.* Характер крестьянских движений на Руси в XI в. // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 137–146.
 59. *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. Т. 1. СПб., 1770.
 60. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.
 61. *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.